

ЛЮДИШКОВАЯ БАНКА С ВАРЕНЬЕМ

ЛЮДИШКОВАЯ
БАНКА
С ВАРЕНЬЕМ

Иногда
самые странные
вещи —
самые настоящие

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВАРВАРА ИЗМЕРОВА

18+

Варвара Измерова

Людишковая банка вареньем

<https://litres.ru/74598708>

SelfPub; 2026

Аннотация

В банки закатывают варенье. А что, если начать закатывать всё самое тёмное и жёсткое, что есть в людях? А что, если открыть эту банку?

Я открою её для тебя. И даже дам ложку. Но смотри осторожней: в этом варенье есть гниль и кости. Не строй больших надежд на вкус — Надежда где-то среди сырья.

Приятного аппетита. И, пожалуйста, не подавись.

Содержание

Апероль	4
Кофе Тюр с белой пенкой	8
Успешная нищета	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Варвара Измерова Людишковая банка вареньем

Апероль

Был лёгкий осенний вечер. Сигареты дымились на столах. На сцене медленно перебирал пальцами пианист. Воздух был пропитан джазом и блюзом и тем, что обычные обходят стороной. ХА! Обычные. Пошли они далеко и надолго, это место только для самых отбитых и диких людей! Тех, кто не боится смотреть в глаза смерти, не боится быть диким и не такими!

Воздух был пропитан терпкой самбукой, табаком, джазом и почему-то вишней. Дикой вишней. Время медленно текло вместе с выступлением девушек на сцене. Они привлекали взгляд, радовали глаза, но хотелось большего. Хотелось насытиться их вниманием сполна. Кто-то свистел под закидывание ножки. Кто-то хлопал и улюлюкал, в общем, всё внимание было приковано к девушкам. Это играло на руку тем, кто не хотел внимания.

— Так, значит... — говорит спокойно Гера, смотря на своих партнёров. — Ты же знаешь, что мы вышли из игры. Мы

не годные, как старый рояль.

— Так рояль настроить, и всё будет зашибись, — Виктор усмехается. — Что ты, не знаешь, что ли, как это всё работает? — Виктор усмехается, закуривая очередную сигарету.

— Ты в своём уме? Эти пальцы дела не помнят, — спокойно говорит Гера, показывая руки. — Они забыли, каково это.

— Слушай, старый рояль. Поднялся и пошёл за стойку. Мне нужно шоу, ты мне его дашь, — начал воровать Виктор, выпуская дым в сторону Геры. — Ты лучший бармен в округе. Ты знаешь, где что как. Давай, на дрейф.

Гера был барменом. Отличным барменом. В зубах зажимал сигарету, которая время от времени уходила в пепельницу, когда губы складывались на мундштуке и сакс выдавал звук. Громкий звук вылетал из трубы, а пальцы зажимали кнопки. Коктейль для души лился в сердечные бокалы, переполняя их. Такой некий апероль для тех, кто заблудился. Бар наполняла музыка, со сцены доносился голос женщины, который заводил людей танцевать. Виктор же просто посмотрел на свой стакан, который наполнился ярким рыжим напитком. Он сделал глоток и улыбнулся. Вкус, который он помнит. Вкус, который он никогда не забудет.

Гера вышел из бара где-то в пять утра, держа свой сакс. Он был на вершине, но не чувствовал вкуса того самого удовлетворения, которое обычно посещало после удачно сыгранного концерта. В руке была стопка купюр, которые он су-

нул в карман, и медленно пошёл по улице, даже не убирая инструмент в чехол. Он шёл медленно. По улочкам, пока не наткнулся на тихий бар, где было два человека от силы за стойкой. Один пил пиво, второй крутил пустой бокал. Бармен же стоял за синтезатором, медленно перебирая клавиши, которые складывались в блюзовую композицию.

— Что сегодня на кране? — Гера садится за стойку.

— Апероль «Старого рояля», — улыбается бармен, беря нужный аккорд. — Говорят, что он давал последний концерт у тех пародистов на настоящий блюз.

— Блюз — музыка дьявола.

— Забавно слышать это от самого дьявола.

— Ты меня узнал?

— Мужик, я не знаю, кто ты. Но сакс у тебя отличный. Угостишь? — Бармен ставит стакан на стол.

Гера начинает играть. Медленно, тихо, как-то по-другому, что удивляет его самого. Стакан наполняется грустью и вишней с нотой текилы. Бармен делает глоток и усмехается, хлопая Геру по плечу.

— Не там мы жили, не с теми пили?

— Возможно.

— Езжай ты в пустыню. Там на старой машине, если тонкая грань сироты. Там люди другие, и жизнь другая. Тебе нужно туда. В ту пустыню. Они поймут тебя и найдут тебя.

— А если я умру на пути?

— Ты станешь легендой, — бармен усмехается и делает

глоток терпкого коктейля, закрывая глаза.

Пустынный ветер обдувал лицо. Машина остановилась на полпути рядом с небольшим автобусом, переделанным под подобие дома. Гера вышел из машины, поставив пакет с продуктами, и посмотрел на трёх людей, сидящих на шезлонгах. Он прошёл в дом, надел шляпу и поставил три стакана, начав играть для этих троих. Сладкое, терпкое аперольное жу-жево наполнило стаканы. Женщина с дредами взяла стакан, сделав глоток, подняв голову на престарелого Геру.

— Как долго ты шёл к нам?

— Двадцать лет.

— Разве дьявол стареет?

— Когда нет публики, рояль расстраивается.

— Даже старый рояль может звучать, — она поднимается и достаёт бубен из небольшого халата. Второй берётся за клавиши синтезатора, который лежал под шезлонгом, а третий приносит гитару. Музыка начинает звучать отовсюду. Напитки разливаются, наполняя песок, на что было всё равно. Гера играл. Играл последние свои ноты вместе со смертью, которая носит дреды. В далёкой пустыне. Он играл. И впервые был счастлив.

Кофе Тюр с белой пенкой

— Там фонари не горят. Темно, как в жопе, Боби. Ты что-то видишь в этой тиши?

— Что за слова, Тюр?

— Боби, я же правда говорю. Темно, как в жопе. Когда я тебе врал? Глаза не видят ни черта. Я бы даже сказал, нихуя.

— Фу, какие слова. И это ты читаешь людям лекции об этикете? — Боби, кажется, хмурится. Тюр не видит. Он вообще ничего не видит.

— Я не строю из себя святого, Боби, — Тюр закуривает. Маленькая спичка вспыхивает в темноте, и, погружаясь в трубку, на мгновение угольки подсвечивают его лицо. Уставшее. С усами до ушей и пышными баками.

— А кто говорит, что я святой?

— Ты сам.

— Никогда, — Боби охает, делая шаг и ударяясь обо что-то. — Блиииин, — протянул он.

— Бля, звучало бы лучше.

— Тюр! — ворчит Боби, садясь на лавку, в которую только что врезался. Тюр падает рядом, тяжело выдыхая клубок дыма.

Ночь была тёмная, хоть глаз выколи. Не видно ни черта. Хоть бы кто включил фонари.

— Святоша, — наконец выдаёт Тюр, откидываясь на

спинку лавки и улыбаясь. — Вот удивительно, как мир меняется. А ночи всё такие же тёмные.

— Мы кого здесь ждём? — спрашивает Боби.

— Ты сам сел. Да и я по темноте идти не хочу. Зачем такая темнота на земле? К чему такие темные ночи?

— Чтобы были.

— Классно. Ты сам же тоже ничего не видишь. А в аду и то света больше.

— А ты откуда знаешь? — Боби усмехается.

— Может, потому что я там был, — Тюр фыркает.

— Прямо в аду?

— Как и ты на небесах. Потом вылез в этот мир, как любой уважающий себя чёрт.

Боби усмехается, копаясь в кармане, доставая небольшой нимб, который светится ярким белым цветом. Таким, что освещает и рыжего Тюра, и белого, как снег, Боби. Один сидел, вытянув ноги вперёд, второй вальяжно закинул ногу на ногу, покуривая трубку. Один был в белой сорочке, напоминающей рясу, второй — в красно-рыжем костюме, с баками и пышными усами. И дурацким платком паши, который ужасно грубо торчал из кармана, но при этом Тюр не выглядел отвратительно. Хотя костюм был потрёпан. Казалось, что он копал в нём котлован, хотя этот бомжеватого-джентльменский вид вписывался в его образ полностью.

— Чёрт. В каком месте ты чёрт? — спрашивает Боби, держа нимб в руках.

— Самый обыкновенный. Пойдём, нам до девчонки моей ещё один кварта́л.

— Ква́ртиал.

— Кварта́л, — ворчал Тюр, поднимаясь с лавки. — Давай, лампа идёт.

— Я не могу ходить с ним по улицам. Нам придётся ждать утра.

— Самая тёмная ночь перед рассветом, так? — Тюр усмехнулся.

— Я не двинусь с места. Таковы правила!

Тюр молча взял нимб из рук Боби, а после и его за кисть, потащив за собой по тёмным улочкам.

В лавке Тюра было много всяких вещей. Дорогие диски, старые саксофоны, дающие людям славу, чужие имена для тех, кто хочет поменять всё. Маски для смены лиц и тысячи прочей магической шелухи. И книги. Забытые книги, которые летали по камерке, стоило включить свет. Зайдя в помещение, Тюр вместе с Боби плюхнулся в большое кресло, которое, кажется, зарычало под хозяйским телом.

— Ну, ну, — мужчина гладит его по подлокотнику, жестом предлагая другу сесть на диван.

— Итак. Темнота, — говорит Боби. — Это же как отбор для людей. Кто-то в ней поддаётся инстинктам, а кто-то... просто живёт.

Тюр пожимает плечами, ставя небольшую пластинку в граммофон. Игла падает на небольшие промежутки, и из

трубы раздаётся:

«I'll never get to heaven cause I don't know how

Let's raise a glass

Or two

To all the things I've lost on you

Oh

Tell me are they lost on you

Oh»

Тюр стучит пальцами по подлокотнику, слушая музыку, а после вытягивает ноги.

— Ты говоришь, как будто бы в людей не веришь.

— Нет, просто я всегда должен следовать правилам.

— Хуявилам, — выдаёт Тюр, закидывая ногу на ногу. — Праведностью от тебя не пахнет. Только хлоркой. От твоего белого костюмчика.

— Что? Что ты такое мелешь, Тюр? — скривился Боби.

— Правду, Боби. Что, ушки колит? Возлюби ближнего своего, и он возлюбит тебя? Знаешь, сколько людей в темноте набредали на мою лавку, и когда я давал им фонарик, они могли найти дорогу до нужного места? А что делаешь ты в своей маленькой лавчонке? Продаёшь цветочки втридорога? И кто у тебя их покупает? Твой папаша, прости меня, Господи?

— Не упоминай имя...

— Да завались ты. Мне никогда не подняться до рая, поэтому иди включи свет на кухне и поставь чайник, белый во-

ротничок, — сетует Тюр. — Люди слишком сложны для понимания. Особенно нашего. Они грешат так же часто, как совершают благо. А мы... Часть той силы, что вечно хочет зла, но совершает благо. Мы одинаковые, Боби. Ясно? Там должна стоять пинта пива, чёрт побери! Дай мне её! Я не могу говорить с тобой трезвым!

Боби поднимается с табуретки и идёт на кухню, включая свет. Старый холодильник начинает жужжать при виде мужчины. Он хмыкает и открывает его, доставая упаковку пива и возвращаясь к Тюру. Он садится на свою табуретку, открывая банку пива и делая большой глоток, сильно морщась.

— Свет не выключил? — Тюр поворачивается к Боби, забирая банку из упаковки.

— Нет. А надо?

— Нет. Пусть горит. Так хотя бы люди увидят лавку с другой стороны, — Тюр хмыкает, откусывая банку с пивом, медленно и с хрустом начиная жевать металл.

— Я тут подумал. Может, ты действительно прав.

— Я прав, черт побери. Я всегда прав! — говорит хозяин лавки, снова откусывая кусок от банки, предварительно выпив половину содержимого, как из стакана.

Боби держит свой нимб в руках, тяжело выдыхая.

— А если сюда забредёт какой-либо поэт или деятель искусства?

— А поэты не люди? — отвечает Тюр, снова похрустывая жестянкой.

— Я не знаю, кто они? Как любой...

— К чему ты хотел начать пиздеть?

— А что, мне и попиздеть нельзя?!

— Чего? — глаза Тюра расширились.

— Я говорю, что мне и попиздеть нельзя?!

— Отец мой мужчина, мать женщина, ты что материшься?

— рыжий разрывается в смехе.

— Да я вообще! Я! — он трясёт нимбом перед лицом Тюра. — От этой штуки избавлюсь! Вот выкину её!

— Может, на небо прицепишь?

— А вот и прицеплю!

— Так прицепи, чёрт поberi!

Боби поднимается и выходит из дома. Тюр делает музыку потише, прислушиваясь к окружению. Наверху, по крыше, раздаётся громкий топот: «Чап. Чап. Чап! Буууум!». Неожиданно рядом с Тюром разлетается пачка книг, а на полу появляется Боби, всё такой же белый и чистый. Правда, ковёр теперь весь в саже и пепле. Тюр лишь цокает, поднимаясь, берёт новую банку, снова откусывает её и, похрустывая жестянкой, выходит на крыльцо.

На небе ярко светится нимб-луна, освещая улицы.

— От, засранец, — говорит Тюр, поворачиваясь к Боби.

— Куда ты его прицепил, чёрт поberi?

— Куда прицепилось.

— А если ещё больше задухарится? — Тюр хмыкает, смотря на людей, которые наконец начали находить дорогу

благодаря небесному свету.

— Луна! Смотрите! — крикнул один из людей, окрестив диск на небе.

— Луна! Ура луне! — крикнул кто-то из толпы, радуясь, что вернётся домой ещё до рассвета солнца.

— Оно потухнет, когда отец включит свою лампу, — говорит Боби, поправляя белый воротничок. — И ты же сам просил не гасить свет, чёрт возьми!

— Не выражайся, — смеётся Тюр, снова откусывая банку и выпивая её содержимое, любуясь нимбом-луной, который теперь висит на небе, пока кто-то не включил лампу-солнце.

Успешная нищета

Додо смотрел на свою копию. Прямо вот отражение, которое казалось ему успешнее, чем он. Оно читало лекции о чём-то великом, было в журналах. Лицо Додо само жило по себе — в рекламах и на билбордах, а он сам проживал самую никчёмную и ужасную жизнь, которую только может прожить человек. Жил он бедно, даже скорее поскудно. Всё, чем он занимался, — получал гроши по безработице да иногда играл в карты, где мог выиграть такие же копейки. Додо нигде не отучился, ничем не интересовался и только напивался, обвиняя своё лицо во всех бедах.

Он смотрел на своё отражение и часто говорил:

— Я мог бы стать успешным. Нет, правда! Я мог стать успешным! Это всё та паскуда забрала у меня! Она забрала все мечты, которые я хотел и ждал! Все мои дела! Он ещё та тварь! Почему я живу в нищете, а тот, кто тоже я, живёт в богатстве?

— А там тоже ты, Додо? Там другой человек, — отвечает нечто из сливного отверстия в ванной, что мужчина привык называть Совестью.

— Он украл мою внешность! Украл! Украл! Украл! — топчет ногами Додо, отчего Совесть высовывается из слива червём, покрытым волосами, грязью и прочей гадостью, что попадает в канализацию. Мужчину это не удивляет, как и

тараканы в его холодильнике, играющие в покер. Он только чешет свою заросшую щёку и смотрит на червя из слива.

— И чо ты вылез?

— В глаза тебе посмотреть. Да, так и думал. Ты неудачник. И наркоман, наверное.

— Я не наркоман!

— Алкаш тогда! — Совесть указывает головой в комнату, где даже из туалета видны разбросанные банки и осколки от разбитых бутылок.

— Это да, но какая разница. Я же беден.

— А ты пытаешься это исправить?

— Возможно, — говорит спокойно Додо, ковыряясь в носу и вытирая руку о замызганную майку-алкашку. — Но не сейчас. Я устал.

— От чего? — Совесть смеётся, уходя назад в свою трубу.

— От тебя!

Совесть лишь выдыхает, бросая взгляд на Додо, и уползает назад в свой слив.

— Придурок ты, Додо, — раздаётся из сливного отверстия в ванной.

Додо выходит из ночного магазина с банками пива и пачкой чипсов, открывает одну, делает большой глоток, отчего уходит полбанки. Он рыгает на всю улицу и получает подзатыльник.

— Нужно быть джентльменом, — раздаётся голос, как у самого Додо, за его спиной. Он поворачивается и видит себя

— только причёсанного, выбритого, подкачанного и свежего, пахнущего не пивом и перегаром, а дорогими духами с ароматом свежести и перца. Руки в карманах. Отлично сидящий костюм, сшитый с иголки. Додо лишь делает глоток из банки, харкая под ноги Отражению.

— Ты можешь меня не уважать, но в своих бедах ты виноват сам.

— Я? Ты виноват в том, что я не стою на твоём месте! Ты украл у меня лицо!

— Посмотри на себя! — Отражение машет руками перед Додо. — Даже имя своё ты потерял.

— Я Додо. Как птица.

— Которая вымерла и стала пиццерией? — говорит спокойно Отражение, складывая руки на груди. — А ведь когда-то ты был Дмитрием!

— Это имя для обычных обывателей! Я Додо!

— Ты дурак, — говорит Отражение, пихая его в грязный лоб, отчего Додо чуть не роняет свои банки.

— Ты виноват во всём!

— В чём? В том, что я хотел выбраться из темноты? Я бросил пить, начал ходить в церковь. Ты тоже сходи, покайся! — говорит Дмитрий, засовывая руки в карманы и делая шаг к дорогой машине, которая стоит на парковке. — А когда сходишь, может быть, и поговорим. И пить бросай. Ты становишься таким же червём, как тот, что ты зовёшь Совестью. Не хочешь бросать пить — хотя бы помойся и почисти

зубы. Воняешь за километры!

— Так набрызгай меня своими духами! Дал бы денег, чтобы я мог закрыть долги или хотя бы оплатить счёт за квартиру!

— Ты снова всё сольёшь в карты, Додо, — говорит Дмитрий через плечо, не останавливаясь, но достав телефон. — Я перевёл тебе. Надеюсь, что больше ты не будешь винить меня во всех своих грехах.

Додо снова плюёт на землю. Он достаёт старенький андроид с большой трещиной на пол-экрана и смотрит на свой счёт в банке, на который поступили деньги. Часть сразу же списали за долги, но они были все выплачены. Все до одного. Додо лишь хмыкнул, высморкался, закрыв одну ноздрю, и пошёл в бар, что-то ворча под нос.

В баре снова крутили очередное интервью с его отражением. Дмитрий бесил Додо. Очень сильно. До чёртиков в груди. Отчего Додо пил и пробухивал деньги, которые упали ему с неба. Он встал из-за столика, прошёл пару метров и упал на землю, куда-то в кусты. Он чувствовал, как его тело поднимают какие-то люди, усаживают на лавку. Они ничего не взяли. Брать было нечего. Додо падает на землю, полностью отрубаясь. По улице понеслись звуки сирен скорой помощи. Додо трогали люди, пытаясь привести в сознание, а он не реагировал. От слова совсем. Он даже вроде бы не дышал, но...

Но утром он проснулся в своей ванной, наполненной банками пива и остатками воды, полностью погружённый в во-

ду с головой, словно кто-то пытался его отмыть, но бросил это дело. Майка лежала вся облёванная и придавленная камнем с отпечатками крови. Голова сильно болела, а во рту был привкус алкоголя и ещё какой-то ерунды, что по вкусу была как смерть и ирис. Из раковины выглядывал червь Совесть. Он молчал. Даже на себя не был похож. Зеркало было завешено какой-то тряпкой, отчего мужчина лишь хмыкнул, ткнув пальцем в червя, который рассыпался на волосы и зубы, отчего Додо снова плюхнулся в ванную. Он вылез из воды, не вытираясь, пошёл на кухню, где выпил стакан молока, посмотрев на банки с пивом на столе, а рядом стоял гранёный стакан с хлебом наверху. Додо снова наливает себе молока, снова выпивает и берёт в руки банку с пивом. Он открыл одну и понял, что вкус не даёт ему радости или счастья. Голова трещит. Виски стреляют. Он берёт телефон и смотрит на экран, где лежал остаток денег. Мужчина посмотрел на себя в зеркало. Заросший, разбитый, длинные грязные волосы, синяк под правым глазом. Подрался с кем-то в баре. Тень от человека. Он тень своего успешного отражения. Додо поднимается и открывает шкаф, где лежит единственный чистый комплект белья и чистый спортивный костюм. Он смотрит на кровать, перед которой стоят две табуретки, словно на них стояло что-то большое, а после подходит к застеленной кровати, только сейчас заметив порядок в квартире. Пахло ладаном и чем-то ещё. Он поворачивает голову, садясь на кровать, а после смотрит на пол. Следов

воды нет на полу, а зеркало в комнате занавешено. Он подходит к нему, сдирая с него простыню, но всё, что он видит, — это грязь, в которой не видно даже его отражения.

Дмитрий приезжает в церковь рано утром. Он крестится и заходит в храм, покупая пару свечей и подходя к иконам. Перед ними стоит Додо. Не выбритый, но хотя бы волосы вымыты и приведены в порядок. Даже чистый спортивный костюм на нём. Дмитрий хлопает его по плечу, отчего Додо начинает рыдать, упав на колени перед иконой. Святой лик смотрит на него без осуждений. Дмитрий стоит рядом, отражаясь в блеске окна. Он высовывает руки из карманов, помогая Додо подняться, а после обнимает его.

— Мне не нужно было бросать тебя, брат, — говорит он тихо, так, чтобы это услышал только Додо.

— Прости меня, — шепчет мужчина.

— Ты прости меня, брат. Прошу, — говорит Дмитрий, не выпуская брата из рук, смотря на то, как в руке плавится церковный воск. Он поднимает глаза на окно, в которое падают лучи солнца, освещая его и брата.

Дмитрий смотрит в отражение в окне снова. Он стоит один перед иконой «Архангела Михаила», держа в руках свечку. Он ставит её, крестится, сдерживая слёзы. Дмитрий выходит из храма, не сдерживая слёз, идёт мимо кладбища, останавливаясь возле могилы. Батюшка отпевает Додо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.